

Полемика и полемос

Неретина С. С.,

доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор, главный редактор журнала Vox,
abaelardus@mail.com

Аннотация: В статье со ссылкой на подборку материалов, посвященных теме войны и опубликованных в выпуске № 18 журнала Vox за 2015 г., заново подчеркивается необходимость, какой бы трагической она ни была для мысли и бытия, прекращения самого состояния войны как «отца всего» (Гераклит). Автор подчеркивает, что связанностью с борьбой пронизана человеческая речь, пока еще связывающая новое и старое состояния мира. Дело не в ее содержании, не в диалогах, оппозициях и противоречиях, выраженных в тексте. Сама *организация речи*, ее фонетика показывает, как в стихах и прозе звуки расталкивают, сливаются, даже мешают друг другу, ослабляя друг друга, позволяя произнесение лишнего или не давая возможности произнести то, что кажется лишним. Однако свойственные человеку ум, память и рассудок действуют в разных направлениях, подсказывают разные решения, выражающиеся прежде всего и острее всего через чувства. Сейчас для сохранения рода *sapiens* важно одно из них: акцент на антимилитаристской концепции, поскольку война стала тотальной, а сознание — милитаристским. Мир стал войной, а понятия приобрели характер оборотничества. Война стала нынче экзистенциальной проблемой, предельным выражением экзистенциалов заботы, страха, заброшенности, вытеснив цивилизационные и культурные установки, поставив человека даже не перед постановкой себя под вопрос, а перед проблемой принадлежности к роду *sapiens*. Смысл перенастройки мышления — в запрете войны как состояния мира, он и позволит сделать XXI век значимым. Ибо нынче любой локальный конфликт на деле означает вторжение в устройство мирового порядка.

Ключевые слова: мир, война, цивилизация, культура, бытие, мышление, тотальность, милитаризм, сознание.

В 2015 г. в нашем журнале была опубликована подборка статей, посвященная анализу того, что такое война. Авторами выступили сотрудники Института философии РАН Т. Б. Любимова, В. М. Розин, Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко, преподаватель школы философии университета НИУ ВШЭ А. Д. Куманьков, член редколлегии журнала профессор Нью-Йоркского университета Д. Констан, главный редактор «Vox. Философский журнал» С. С. Неретина. Это была теоретическая проработка темы, ставшая нынче экзистенциальной проблемой, предельным выражением экзистенциалов заботы, страха, заброшенности. Речь не просто о возвращении пацифистского настроения, даже вообще не о возвращении этого настроения, а о том, что война заняла мысль, сознание, умонастроение, вытеснив цивилизационные и культурные установки, поставив человека

даже не перед постановкой себя под вопрос, а перед проблемой принадлежности к роду *sapiens*.

Как писала Т. Б. Любимова, «в современном мире война стала тотальной, а сознание милитаристским. Объяснения этого явления частными теориями (социологическими, экономическими, политологическими) не исчерпывают этого явления. Идея вечного мира зародилась давно, но она остается утопической. Существуют культурные различия в понимании войны и мира» [Любимова Т. Б., 2015, с. 1]. Татьяна Борисовна, правда, писала в «спокойный» период жизни, когда «метафизической точке зрения на эту проблему [была еще] присуща универсальная позиция, охватывающая ход цивилизации в целом», когда «во многих традиционных культурах она осознавалась в понятиях добра и зла», когда «власть, война и культура», казалось, «взаимно друг друга поддерживают и производят. Войны ведут власти против других властей. Война и власть, взаимно индуцируя друг друга, возрастают глобально и тотально. От всех других типов конфликтов война отличается тем, что убийство в ней есть не просто событие, а норма, оно даже приветствуется, становится привычным» [Любимова Т. Б., 2015, с. 1].

Мир, однако, изменился. Он сейчас, имея культурные и цивилизационные различия, от них не зависит. Мир (во всех значениях этого слова) — это война. Она захватила жизнь, в которой понятия добра и зла не имеют значения. Поскольку мир стал войной, то все понятия приобрели обратные значения. Даже и война имеет суппозицию: специальная операция. Мы живем в настолько новом «мире», что нет смысла употреблять старые цивилизационно-культурные понятия. Бытие не просто, по Гегелю, отождествилось с ничто: ничто и стало бытием, и требуется невероятное философское усилие, чтобы найти новые принципы для осмысления жизни, да и для соревнования со временем. «Человек обречен, — сказал Ю. В. Трифонов, — время торжествует» [Трифонов Ю. В., 1979, с. 185]. Хорошо, если оно еще есть. Не случайно мировой слом произошел именно сейчас, во время пандемии, во время вируса, когда *sub specie mortis* потребовалось вникнуть в то, что иным философам стало очевидным давно. Вирус — тяжелая вещь. Обычно при объяснениях говорят о его вредном свойстве, распространяющемся подобно заразе, сродни яду и слизи. Известен вирус как разновидность *самовоспроизводящихся* компьютерных программ, которые распространяются, внедряя себя в исполняемый код других программ или в документы социального формата. Эта справка из Викисловаря интересна (именно потому, что из словаря) тем, что она допускает самовоспроизведение вредоносного вируса и в мозгу человека, если и при условии того, что можно считать электрическую активность человеческого мозга, тем более что интерфейсы «мозг-компьютер» далеко не новы. Можно вспомнить вышедшую в 1981 г. книгу философа-аналитика Х. Патнэма «Разум, истина и история», где он сформулировал позицию, называемую *функционализмом машинного состояния*, согласно которой сознание всякого живого существа может рассматриваться по аналогии с машиной Тьюринга, о возможности впрыскивать миллионы электродов через шприц, так чтобы электродная наносетка растекалась по мозгу. «Мозг в бочке» (термин Патнэма), конечно, прямо связан с этим растеканием, но гораздо более интересен тот результат мысленного эксперимента, который показал сам процесс заражения и переделки мозгов, вливание в них той информации, которая нужна

ее владельцу, при том что человек, сознательно манипулируя неким информативным слоем по факту и акту кодирования (термин «социокод» ввел М. К. Петров), бессознательно может вместе с определенными знаковыми вовсе не инертными процедурами внедрения важных для власти программ оперировать несобственными механизмами «фрагментированного массива знания, расчлененного на интерьеры мира деятельности...» [Петров М. К., 1991, с. 39]. Война сознательного и бессознательного внутри такого индивида и в результате знаковой трансляции обеспечена. Реализация ее — дело времени, которое будет торжествовать, если внезапно не прервется.

Высказывания Гераклита и Гоббса о войне как отце всего или всех против всех принадлежат к ушедшей цивилизации. Очевидно, что эти концепции не возникли из воздуха: ими пронизана наша речь. Именно речь пока еще связывает новое и старое состояния мира. Дело не в ее содержании, не в диалогах, оппозициях и противоречиях, выраженных в тексте. Сама *организация речи*, ее фонетика показывает, как в стихах и прозе звуки расталкивают, сливаются, даже мешают друг другу. Часто в конце во имя ритма или смысла они ослабляют друг друга, или позволяют произнесение лишнего, или не дают произнести то, что кажется лишним. Но человек обладает умом, памятью и рассудком, работающим в разных направлениях, подсказывающим разные решения, выражаемым прежде всего и острее всего через чувства. Сейчас для нас важно одно из них: акцент на антимилитаристской концепции.

В одном из писем редактору один из называющих себя философом написал, что либеральная политика якобы не признает границ там, где, по мнению этой политики, нарушаются права человека. На мой взгляд, границы есть везде: территориальные, этнические, границы сознания, потому и названного «со-знанием», культурные (само слово — сплошное пограничье). Первые нельзя нарушать никому — они, искусственно созданные, входят тем не менее в естественные права человека, там человек разбирается с собой сам и с теми, кто живет в этих означенных пределах. Их нарушать — большим ли, малым ли странам — значит аннигилировать международное право на *самоопределение*, как бы кому бы ни хотелось для них лучшей доли. История колонизаций это продемонстрировала ясно и до жути просто.

Вторые — культурные — границы мы переступаем всегда, в этом обязанность каждого мыслящего человека, создавшего термин «трансцендирование», здесь всегда возможен спор, не обязанный приводить к согласию, но обязующийся менять зашедшую в тупик мысль вплоть до самопретворения себя в чужого себе, не узнающего себя (метанойя). В свое время Оккам высказал мысль, которая долгое время не находила внимания политологов: если некто приобретает вещь со злым умыслом, то это не отменяет его владение этой вещью. Завоевания, совершаемые волею римского народа (Оккам писал о власти в Римской империи, примеряя ее на современные ему территории), и установление римского господства защищены не только апелляцией к общему благу или признанием подчиненных, но и банальным указанием на то, что факт господства не отменяется осуждением с точки зрения морали¹. Именно это суждение, однако, используется — может быть, бессознательно — людьми, волюнтаристски

¹ Auctores Britannici Medii Aevi 33. William of Ockham Dialogus. Part 3, Tract 2. Ed. Semih Heinen and Karl Ubl. Oxford University Press, 2019.

апеллирующими к общему благу. Но, повторю, мы живем в совершенно иное время, когда практически невозможен запрет не только на всеобщее, но и на конкретное убийство каждого возможного и конкретно вот этого.

Мы и стали другими: мы исследуем возможности и способности искусственного интеллекта, наше тело стало не вполне нашим, мы научились неплохо жить чужим умом, часто забывая о своем собственном, именно с которым расставаться нельзя даже в момент, когда читаешь и пытаешься понять другого. Мы, однако, не только номера телефонов родных и близких отдали на откуп мобильникам и компьютерам, но и саму память, посчитав, что это одно и то же, питаюсь сказками Большого Одного, как говорил Андрей Платонов. При всех собственных и заимствованных навыках, при том, что мы Homo sapiens, Homo historicus, Homo ludens, faber, mechanicus, teknologicus, culturus, fidens, существо «неуютнейшее» и даже «зловещее» и др., мы остаемся видом среди множества живых существ, и мы единственный вид, допускающий внутривидовое убийство, выдумавший для этого множество теорий.

Смысл современного умонастроения состоит в том, чтобы в XXI веке поставить жирную точку: запрет войне! Тем самым сделать этот век значимым! Ибо нынче любой локальный конфликт на деле означает вторжение в устройство мирового порядка.

Т. Б. Любимова со ссылкой на Л. Н. Толстого сравнивает «развертывание боя с действием механизма. Ход событий, будучи запущенным, производится с неодолимой точностью, как если бы ими управляла невидимая машина...» [Любимова Т. Б., 2015, с. 1]. Раненому князю Андрею на поле боя открылась «ни с чем не сравнимая бесценность жизни», ибо «война по самому своему понятию есть отрицание жизни. Но она роковым образом оказывается неизбежной. Ее даже оправдывают, так как она “двигатель прогресса” или историческая необходимость. В ней находят даже много пользы и моральных оправданий для нее. Но И. Кант, философ *par excellence*, со свойственным ему пессимизмом относительно природы человека отодвигавший достижение желанного вечного мира в бесконечную даль будущего, все-таки вполне твердо и как всегда с внутренним достоинством писал, что *войны не должно быть* (ведь война и признание ее фактической неизбежности отрицает *достоинство человека* как такового)... Вот основное “быть или не быть” человеческой истории... Обсуждая ее по этим смысловым осям, мы остаемся на горизонтали феноменов и фактичности. Однако, как и любую проблему совместной жизни людей, состояние войны и мира можно и нужно рассматривать теоретически и при этом с многих позиций, и, по возможности на разных уровнях общения...» Это как раз то, что ныне поставлено под сомнение: сейчас господствует реагирование — не теория, которая работает только через желательные или утвердительные предложения, она «не дает окончательного ответа на подобные вопросы. Однако она способна ставить эти вопросы разнообразно и парадоксально, а это важно для осознания роковой опасности “тропы войны”... Несмотря на то, что войны были всегда, но такой мобилизации всех сил, как материальных, так и интеллектуальных, которую произвели войны XX века», можно добавить и XXI века, «в истории не встречалось. Они произвели поистине глобальную мобилизацию ресурсов и тотальную милитаризацию общественного сознания... Спутанность линий развития в горизонте феноменов и фактичности может породить (порождает. — С. Н.) массу напряжений, разрывов,

с исторической точки зрения — войн. С метафизической — никто и ничто не нарушает ничьих границ. Одно состояние бытия переходит в другое... незаметно, для участников этого состояния переход в другое — катастрофа, т. е. усилие пересечь границу становится катастрофой для того, что остается за пересекаемой границей. Оно для нового состояния есть прошлое и в этом качестве уничтожается» [Любимова Т. Б., 2015, с. 7]. Напомню: это сказано семь лет назад, сказанное не оказалось даже пророческим, поскольку и тогда, и в недавнем прошлом звучали такие прогнозы: даже конец истории связывался с непоправимостью войны. Идеи, писала Татьяна Борисовна, «суть посредники между метафизикой (принципами) и фактичностью физического мира. Или фактичностью социального мира. В нем к назревающему конфликту создаются в ответ на запрос ситуации идеологии. При этом не всегда лучше сделанная, более изоциренная идеология побеждает. Идеи движут миром, и они действительно работают как двигатели. У каждой своя мощьность... Идеи, на первый взгляд, не слишком сложно устроенные, могут обладать огромной действенностью, независимо от их правоты и даже уместности... В идейном плане войны ведутся из-за смысла, точнее — разности смыслов, и за смысл, за утверждение своего смысла» [Любимова Т. Б., 2015, с. 7]. С этим можно согласиться, если под смыслом понимать не просто смысл жизни, а некий определенный авторитарный замысел.

Все же иногда надо вспоминать слова, сказанные устами одного из героев «Чевенгура» Андрея Платонова: война происходит от действий власти, во главе которой стоят «умнейшие люди», ибо «обыкновенные люди всегда договорятся друг с другом». Ирония относительно «умнейших людей» зашкаливает, но людей-то, сумевших бы договориться, превратили, как и Чевенгуре, в пыль. Надежда на то, что «дураки власть берут, может, хоть жизнь поумнеет», испепелилась. Человек не разоружился при встрече с идеей, как допускал В. В. Бибихин, наоборот — вооружился.

Можно напомнить то, о чем я писала в том самом номере *Vox*, который был посвящен теме войны. Синонимы войны — агон (отсюда «агония») и полемос («полемика»). Оба термина означают спор-вражду, которой чревата мысль, в основе которой лежит принцип различия. «Агон — пространство борьбы и столкновения сил, в центре которых — человек. Этимологически слово «война» связано со способом добывания и потребления пищи, а в его семантическое поле входили такие значения, как “желать”, “стремиться”, “получать”, “побеждать”, “есть” и даже “любить”. Война — это и брань в разных смыслах, включая ругань и вой, наряду с благородством *vox*-голоса, разрывающего единство, делящего мир надвое, на божественно-изначальный и человечески-вторичный» [Неретина С. С., 2015, с. 35].

Голоса, донесшиеся из столетнего далека, вновь обрели философскую глубину. Как писал Е. Н. Трубецкой, «современное государство, с его аморализмом, с его стремлением использовать всю культуру как средство для осуществления животных целей коллективного эгоизма, являет собою как бы воплощение начала *зверочеловечества*» [Трубецкой Е. Н., 1994, с. 190, курсив мой].

То, что было написано семь лет назад, оказалось сегодня злободневным. «Трубецкой подчеркивает то новое, что принесла война: это, прежде всего, *мировая война*, явление *всеобщее*, определяющее человеческие отношения, а стало быть,

нуждающееся в философском осмыслении, тем более что мировая война между людьми в России превратилась в войну всех против всех. Россия для него — эпицентр мирового катаклизма. Отличие войны начала века XX от начала века XXI, если оглядываться на мысли современника Первой мировой, состоит в том, что в то время она, возникшая как *следствие слабой власти*, породила анархию... а *теперь сильная власть возбудила агрессию* народа, выдвинувшего из своей среды людей, добровольно идущих на войну с соседом (я намеренно опираюсь на официальную версию) не за свои свободы, а за их неучтивость по отношению к себе» [Неретина С. С., 2015, с. 36]. Нынешнее состояние, правда, не назовешь анархическим, как его назвал Трубецкой, но, не желая революции, народ, по данным социологов, желает войны. Это значит: действует то, что нынче называется скрепами. Следовательно, дело не в конкретных причинах, вызывающих войну, а в принципе, который лежит в ее основании. Поскольку для Трубецкого-философа человек становится зверем, то принцип войны для *человекозверя* — это *начало борьбы за существование*². Это начало, где нет ни патриотизма, ни этических правил — то, о чем *логически* предупреждал Оккам, но что благодаря оборотничеству, о чем сказано выше, носит имя патриотизма со ссылкой на этику. Тут-то и вспоминаются термины «агон» и «полемос», означающие и *вох-брань* и благородный *вох-голос*. «Агон не всегда выражается в словесном споре. Последний часто переходит «на кулачки», ибо рука — продолжение головы, она вступает в дело, когда не хватает слов, т. е. именно тогда, когда возникает необходимость в логически-парадигмальной смене. В споре, как правило, осуществляется желание перевести угасшую логику мысли в еще неопознанную иную логику, приведшую в движение руку... Потому то, что продолжение словесных баталий переходит в рукоприкладство, — не новость. Агон и полемика — это такие высказывания и обозначения позиций, которые не обязаны находить компромисс. Их задача — разложить, расположить вещи». Агон и полемос происходят на грани жизни и смерти, в пороговой ситуации, происходящей тогда, когда все прежнее устарело, устарела вся жизнь, и она должна либо прекратиться, либо найти способ обновления, который пока не найден, неведом, случаен» [Неретина С. С., 2015, с. 39–40]. Отсутствие точного слова порождает массу неточных слов, но переход войны в постоянное экзистенциальное, чувственно разящее самое человеческую жизнь состояние действительно свидетельствует о полном растлении жизни, о ее конце. Здесь точка риска, ибо вещь, которая смутно видится, узнать и высказать которую стремятся, может оказаться грандиозным обманом и промахом в небытие.

Литература

1. Любимова Т. Б. Война — судьба или злая воля? // Вох. Философский журнал. — 2015. Вып. 18. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/299/301> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Неретина С. С. Агон войны // Вох. Философский журнал. — 2015. Вып. 18. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/299/303> (дата обращения: 20.03.2022).

² Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. — М.: Республика, 1994. — С. 196.

3. Петров М. К. Язык, знак, культура. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. — 328 с.
4. Трифонов Ю. В. Воспоминания о муках немоты. Фединский семинар сороковых годов // Дружба народов. — 1979. № 10.
5. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. — М.: Республика, 1994. — 432 с.
6. Auctores Britannici Medii Aevi 33. William of Ockham Dialogus. Part 3, Tract 2. Ed. Semih Heinen and Karl Ubl. Oxford University Press, 2019.

References

1. Auctores Britannici Medii Aevi 33. William of Ockham Dialogus. Part 3, Tract 2. Ed. Semih Heinen and Karl Ubl. Oxford University Press, 2019. (In English.)
2. Liubimova T. B. *Voyna — sud'ba ili zlaya volia?* [War: fate or ill will?] Vox. Philosophical journal, 2015, no. 18. [<https://vox-journal.org/html/issues/299/301>, accessed on 20.03.2022]. (In Russian.)
3. Neretina S. S. *Agon vojny* [Agon of war]. Vox. Philosophical journal, 2015, no. 18. [<https://vox-journal.org/html/issues/299/303>, accessed on 20.03.2022]. (In Russian.)
4. Petrov M. K. *Iazyk, znak, kultura* [Language, sign, culture]. Moscow: Nauka, glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1991. 328 p. (In Russian.)
5. Trifonov J. V. *Vospominaniya o mukakh nemoty. Fedinskiy seminar sorokovykh godov* [Memories of the anguish of dumbness. Fedinsky seminar of the forties]. Druzhba narodov, 1979, no. 10. (In Russian)
6. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [Meaning of life]. Moscow: Respublika, 1994. 432 p. (In Russian.)

Polemic and polemos

Neretina S. S.,
DPhi, Institute of Philosophy of Russian Academy of Science, Chief Scientific
Researcher, Professor, Chief editor of journal "Vox",
abaelardus@mail.com

Abstract: The article, with reference to a selection of materials devoted to the theme of "war" and published in issue 18 in the journal "Vox" for 2015, re-emphasizes the need, no matter how tragic for thought and being, to end the very state of war as "father of all" (Heraclitus). The author emphasizes that human speech is permeated with struggle, which still connects the new and the old states of the world. The point is not in its content, not in the dialogues, oppositions and contradictions expressed in the text. The very organization of speech, its phonetics shows how, in poetry and prose, sounds push apart, merge, even interfere with each other, weakening each other, allowing the pronunciation of the superfluous or not giving the opportunity to pronounce what seems superfluous. However, the mind, memory and reason inherent in man act

in different directions, suggest different solutions, expressed primarily and most sharply through feelings. Now, one of them is important for the preservation of the genus sapiens: the emphasis on the anti-militarist concept, since the war has become total, and the consciousness is militaristic. The world has become a war, and concepts have acquired the character of shape-shifting. War has now become an existential problem, the ultimate expression of the existentials of care, fear, abandonment, displacing civilizational and cultural attitudes, putting a person not even before questioning himself, but about the possibility of belonging to the genus sapiens. The point of reconfiguring thinking is to ban war as a state of peace, which will make the 21st century meaningful. For today, any local conflict in fact means an invasion of the world order.

Keywords: peace, war, civilization, culture, being, thinking, totality, militarism, consciousness.